

Ю. МОГИЛЕВСКИЙ
Портрет Д. ШОСТАКОВИЧА

ТВОРЧЕСТВО Юрия Моги-левского разнообразно и по своей тематике и по своим привязанностям. Но значительное место в нем занимают портреты людей, для которых сама мысль — это уже действие. Портреты людей пытливого мысли.

Техники, применяемые Юрием Могилевским, составят список: линогравюра, литография, сухая тушь, гравюра на дереве... Могилевского знают многие, а его работы видели все, может быть и не подозревая этого. Бросая привычный взгляд на афиши охлопковского театра, невольно задерживаешь взгляд на черно-белом портрете Вл. Маяковского, помещенном в верхнем углу...

Теперь и вы вспомнили, что давно знакомы с художником. В его мастерской на тихой московской окраине можно увидеть живопись, эскизы к театральным постановкам, плакаты и иллюстрации. Но прежде всего — портреты. Михаил Калатозов, Владимир Луговской...

...Однажды, будучи проездом в Вильнюсе, остановившись у «хозяев», художник случайно увидел преклонных лет женщину, занимавшуюся на кухне обычными, будничными

хлопотами. Но что-то казалось в чертах ее лица необычным, лишенным прозаичности. Какая-то особая гордость и доброта.

Художник сделал набросок. А потом, уже перед

достью, и доброта, и разумность всего поведения этого человека предстали не застыло, а в движении. Я слышал музыку, аккорды и мелодию. И качества изображенной природы не

примет столь плоско положительный вид, что в ней и места не останется для совершенствования, для всечасного переживания, постоянного поиска истины, а значит, и внутреннего диа-

логического момента, возникающего в моменты рифмы и музыкальные фразы. Мне кажется, художник предполагал особую силу воздействия контраста белой линии и черного фо-

на. Линейный рисунок и звук объединены важной способностью человеческого мозга к абстрагированию. Линий в живой и мертвой природе не так-то много: годичные кольца деревьев, следы волн на песчаном берегу. Человек же при помощи линии создает образ любого предмета, не говоря уже о технических и научных областях.

Что касается звука, то его музыкальность создана опять же человеческим сознанием. «Соловей поет, ему не больно». Только человек наполнил порядок чередования звуков смыслом, логикой, чувством.

В портрете Дмитрия Шостаковича зритель, следя за певучей линией рисунка, как бы присутствует при зарождении мелодии и сам вступает в общее-то в претные сферы личного, глубоко интимного мира человека. В такой момент художник несет ответственность и перед героем, и перед зрителем, напоминая хирурга, делающего сложную операцию на сердце.

Зритель Могилевского приобщается к духовности образа. Ответные чувства рождаются потому, что в портрете зримо присутствует тема творчества и мужества человека. Эта тема заключена в сопряжениях и овалах контуров. Они излучают внутренние импульсы, которые захватывают, будоражат восприятие. И оно, будучи уже намагниченным, цепко схватывает «конкретную» информацию, которая заключена в знакомых чертах лица, жесте руки, даже очках, которые надел композитор.

Обратите внимание, как все ритмы и переплетения рисунка зависят от этого «эпизента» двух белых овалов, приходящихся на математический и эмоциональный центр композиции. Но перед нами не только геометрический орнамент. В центре — взгляд композитора, зоркий и пристальный, мужественный и дерзновенный. Взгляд на мир.

Глядя на собравшиеся в кулак пальцы, легко можно было бы предположить ход рассуждений автора: «Мысль — перу, перо — бумаге». Мелодия рождается, вот-вот рука опустится на стол, и побегут по линейкам нотные знаки.

Отчасти такой момент в образе присутствует. Но его сопровождают и многие другие. Есть в портрете и та самоулубленность, которая не терпит поспешных решений, и та трезвость мысли, которой свойственна ирония. Образ многопланов по настроению и целен своим качеством: перед нами творец, исследователь, открыватель.

Когда-то Аристотель писал о том, что искусство повествует не столько о

частностях уже случившихся, а о более богатом возможном, том, что может произойти. Ограничьте художник одним фактом из эмоциональной характеристики героя, он сказал бы то, что могли бы сказать с не меньшей убедительностью и силой психолог, историк, ученый, рассматривающие образ реального человека в реальной жизни.

Тем, вероятно, и сильно художественное творчество, что оно показывает одновременно в образе то, что могло быть, что есть, а также не ограничивает и будущую перспективу.

В мастерской Могилевского можно увидеть портреты современных советских физиков, ученых и писателей. Портреты женские и мужские, лишенные в подписи справки о прямой профессии, но, как и облик женщины из Вильнюса, несущие в себе заряд мысли и одухотворенности. Мы ограничились рассмотрением только двух работ, а рассуждений автора: «Мысль — перу, перо — бумаге». Мелодия рождается, вот-вот рука опустится на стол, и побегут по линейкам нотные знаки.

Но не подумайте, что Могилевский, ценя в одних своих героях их несомненные достоинства, не подмечает и их противоречия, не переносит иронию и сарказм на образы тех, кто этого заслуживает.

Возникает как ответственное и возвышенное действие, искусство остается верным «родительскому дому», превращая мир одного человека в мир всех людей по строгим и живым законам прекрасного.

И. КУПЦОВ.

МЫСЛЬ — ПЕРУ, ПЕРО — БУМАГЕ

просто вызвали ответную симпатию, а входили вместе с молчаливой музыкой светотеней, пропорций, очертаний через чувства в сознание, чтобы сработала его система и мир предстал передо мной необъятнее и осязаемее и чтобы я сам пережил свое место в нем.

Портреты Могилевского сложны, но не безотносительны к определенной творческой задаче. Она у каждого художника своя, неповторимая. Но присутствие ее в творчестве обязательно. Она, может быть, то единственное слово, которое художник проносит перед зрителем по слогам.

Ведь при иных условиях душа «добротного» человека

лога со злом.

Художественный образ предполагает увлекательную, а не скучную длительность своего восприятия: хочется вновь и вновь вчитываться... Для художника возможны самые дерзкие отвлеченности и поразительные символы, покуда они рождаются из его чувств к человеку. Тогда и для зрителя остается открытой дверь в мир образа, какая бы крутая лестница ни начиналась за ней.

В портрете Дмитрия Шостаковича Могилевский предельно строг в выборе средств. Линогравюра напоминает рисунок мелом на школьной доске, тот торрливо-властный росчерк, которым заносится в блок-

на. Линейный рисунок и звук объединены важной способностью человеческого мозга к абстрагированию. Линий в живой и мертвой природе не так-то много: годичные кольца деревьев, следы волн на песчаном берегу. Человек же при помощи линии создает образ любого предмета, не говоря уже о технических и научных областях.

Что касается звука, то его музыкальность создана опять же человеческим сознанием. «Соловей поет, ему не больно». Только человек наполнил порядок чередования звуков смыслом, логикой, чувством.

В портрете Дмитрия Шостаковича зритель, следя за певучей линией рисунка, как бы присутствует при зарождении мелодии и сам вступает в общее-то в претные сферы личного, глубоко интимного мира человека. В такой момент художник несет ответственность и перед героем, и перед зрителем, напоминая хирурга, делающего сложную операцию на сердце.

Зритель Могилевского приобщается к духовности образа. Ответные чувства